



АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА НИЖНЕГО НОВГОРОДА
Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
гимназия № 184

Научное общество учащихся

**Стихия истории в романе трилогии А. Рыбакова
«Дети Арбата»: реалии и фантазии.**

Выполнила: Исхакова Дания
Ученица 10 а класса
Научный руководитель:
Гаврилова А.В.,
учитель истории

Н. Новгород
2014 год

Содержание

	Стр.
Введение	3
ГЛАВА 1. Массовые политические репрессии в СССР.....	7
1.1 1934 год в исторической перспективе.....	7
1.2 Большой террор	8
1.3 Последствие террора в судьбах людей.....	12
1.4 Роль высших руководителей государства в репрессиях.....	15
ГЛАВА 2. Реалии и фантазии в романе А. Рыбакова «Дети Арбата».....	20
2.1 Приметы социально-политической жизни 1930-х годов в структуре романа	14
2.2 Феномен ссылки как отражение социально-политической жизни страны	18
2.3 Роль высших руководителей государства в репрессиях.....	21
Заключение	
Список литературы	

Мои книги не памятник, а такие могильные плиты
на необозримом кладбище, которое мы именуем
человеческой историей.

А. Рыбаков

Введение

В истории советской России 30-е годы считаются наиболее сложными и противоречивыми. Это время бурных успехов индустриализации, время спортивных праздников, воздушных парадов, время неуклонного роста военной мощи СССР. И все-таки именно эти годы мы считаем самым кровавым и страшным временем. Было проведено столько политических процессов и репрессий, что еще долгие годы историки не смогут восстановить все детали страшной картины этой эпохи. Эти годы обошлись стране в миллионы жертв, причем жертвами, как правило, становились талантливые люди, технические специалисты, руководители, ученые, писатели, интеллигенция. «Цена» борьбы за «счастливое будущее» становилась всё выше. Руководство страны стремилось избавиться от всех свободно мыслящих людей. Проводя один процесс за другим, государственные органы фактически обезглавили страну.

Правда о событиях тех лет скрывалась. Только сейчас мы многое узнаем о трагизме этого периода нашей истории. Открываются архивы, появляются мемуары и исторические произведения.

Роман А. Рыбакова «Дети Арбата» был одним из первых произведений о страшной эпохе сталинизма. Не было, наверное, такого человека, кто остался бы равнодушным к этому произведению. Вышедший в 1987 году в журнале «Дружба народов», роман произвел ажиотаж (хотя написан он был в 60-е годы XX столетия), хотя мнения были противоречивы. Отметим попутно, что после выхода активно обсуждалась только первая часть трилогии, романы «Страх» и «Прах и пепел», увидевшие свет в 90-е годы, интереса у читателей не вызвали.

Новый всплеск интереса к произведению можно было ожидать после выхода в 2004 г. на телеэкраны сериала, снятого по трилогии А. Рыбакова, но этого не

произошло: сериал оказался слабее книги, и даже участие в нем знаменитых актеров ситуацию не изменило.

Еще до публикации, давая роман читателям, Рыбаков, по совету своего друга Евтушенко, ставил условие: письменный отзыв — обязательно.

Вот отрывок из письма, адресованного А. Рыбакову известнейшим литературным критиком Львом Аннинским: «Я считаю, что опубликование такой книги о Сталине и о ситуации, его породившей, могло бы стать событием нашей жизни. Я не знаю, насколько это возможно: о Сталине не пишут сейчас не потому, что кто-то „не велит“, а потому, что у нас нет сил вынести ту правду о Сталине, которую нам предстоит вынести: правду того, что Сталин выразил и довел до предела великие и страшные черты, которые были тогда в самом народе. Но рано или поздно эту правду о Сталине придется сказать и выслушать. Потому что история этого так не оставит, она к этому вернется, она эту дырку в памяти не потерпит — слишком опасно»¹.

Но помимо соратников у романа Рыбакова много противников, гораздо больше, чем можно было судить по печатным изданиям. Советский и российский критик Вадим Кожин ядовито заметил, что «тайные разговоры Сталина с Ягодой напоминают заговорщические беседы кардинала Ришелье с коварной Миледи в романах Дюма-отца...»².

Литературовед Александр Лацис в своей работе «С точки зрения современника» пишет, что «романист не задерживается на подробностях быта, не озабочен ни речевой, ни психологической характеристикой второстепенных персонажей. Он их привлекает попутно, в качестве подсобных рабочих сюжета. Видимо, полагая, что обо всем не расскажешь, чем-то приходится поступиться»³.

Бдительная ленинградка сообщила, что своими мыслями она поделится с КГБ. Против романа все, кто заражен сталинскими предрассудками и иллюзиями.

«Гражданин Рыбаков!

¹ Аннинский Л. Отцы и сыны / Л. Аннинский // Октябрь, 1987. № 10, С. 184

² Кожин В. Правда и истина / В. Кожин // Наш современник, 1989, № 4. С. 167

³ Лацис А. С точки зрения современника // «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова с разных точек зрения / Под ред. Ш.Г. Умерова. — М., Советский писатель 1990, С 122

Не могу воздержаться от того, чтобы не поделиться с Вами мыслями о вышедшем в свет «шедевре» «Дети Арбата». Считаю книгу вредной, неправдивой, содержащей субъективистские взгляды на историю страны, особо вредна она для молодежи, не знающей досконально моменты истории с 1917-го по 1956-й. У Вас, видимо, нет мужества честно признаться в том, что Вы обозлены на судьбу и лиц, ее вершивших. Яркий отпечаток оставлен в книге ввиду того, что Вы пострадали в определенный момент. Жалости к Вам нет...

Далее мыслями о «Детях Арбата» я поделюсь с органами печати, возможно, письмо отправлю в КГБ.

Л. Стрижакова, служащая, Ленинград»¹.

Можно было встретить и такой отклик: «Возмущает меня больше всего то, что не только Сталин показан недалеким, мнительным человеком. Врагов Советской власти, по роману, нет, Сталин выдумывает их, а кто же тогда убивал лучших людей страны? В 1939 г. в Орджоникидзе сколько людей погибло, это что, Сталин сделал? Как же мы социализм построили, фашистов разгромили? Ведь в романе народ наш показан отсталым, а сибиряки даже глупыми (иначе не скажешь). Пусть бы А. Рыбаков показал Сталина жестоким, допустившим ошибки, но умным, с которым считались главы государств». Есть более категоричные письма: "...русскому народу повезло - в Политбюро нашелся т. Сталин, который сумел отгрызть левакам (Зиновьеву и Каменеву) их собачьи головы и сделать относительный прагматизм официальной линией партии»².

Подобные высказывания возможны потому, что долгое время история нашего государства представлялась в недосказанной форме: намеки, аллегория в освещении остросоциальных и политических проблем считались нормой.

Современники Саши Панкратова, разделившие в 30-х годах его судьбу, пишут автору письма, в которых благодарят за правдивое изображение эпохи.

¹ Говорят читатели // «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова с разных точек зрения / Под ред. Ш.Г. Умерова. – М. : Советский писатель 1990, С80.

² Говорят читатели // «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова с разных точек зрения / Под ред. Ш.Г. Умерова. – М. : Советский писатель 1990, С178

«Спасибо за правду, хотя горько ее было читать, плакала, представляя, как терзали отца. А он член КПСС с 1905 г., 11 лет отсидел в Александровском Центральном Иркуте как политкаторжанин. Н. Волохова»¹. .

«С 1935 г. наш отец подвергался непрерывным издевательствам, был отстранен от работы, лишен пенсии, а с 1937 г. безвинно ушел в неизвестность и был предан забвению на многие годы. Реабилитирован посмертно в 1955 г. Семья Касьяна испытала все последствия преследований, гонений, голода, нужды, моральных издевательств. Даже сына-школьника, комсомольца принуждали к ответу за несуществующие "грехи" отца. А старшая дочь, комсомольский работник, была исключена из партии, изгнана с пятого курса института и безвинно репрессирована. Благодарим за Ваш прекрасный труд. Касьян Р. С.»².

Все сказанное выше обусловило **цель** моего научного исследования:

- выявить исторические факты, описанные в романе А. Рыбакова «Дети Арбата» и доказать, что они были реальны в советской действительности 1934 года.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

1. Изучить 1934 год в исторической перспективе;
2. Проанализировать первую часть трилогии А. Рыбакова «Дети Арбата»;
3. Охарактеризовать систему образов романа, особое внимание уделив подходам в изображении Сталина.
4. Осмыслить комплекс поднимаемых в романе проблем, позволяющих А. Рыбакову точно представить эпоху 1930-х гг., но ставших актуальными и в наше время.
5. Провести исследование, доказывающие исторические факты описанные в романе А. Рыбакова «Дети Арбата».

¹ Говорят читатели // «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова с разных точек зрения / Под ред. Ш.Г. Умерова. – М. : Советский писатель 1990, С259

² Там же, С180

Глава 1. Массовые политические репрессии в СССР

1.1. 1934 год в исторической перспективе.

Время действия первого романа вошедшего в трилогию Рыбакова «Дети Арбата» – ноябрь 1933-го – декабрь 1934-го. Что же произошло в Советском государстве за двенадцать месяцев этого года?

1934-й – особый, рубежный год в предвоенном периоде истории страны. Всего десять лет прошло после скорбного января 1924 года, еще живо в людях то чувство сплочения, которое охватило весь народ в час прощания с Ильичем. И жива атмосфера ожесточенной борьбы с оппозициями, развернувшейся сразу после смерти вождя, борьбы, в которой так вырос авторитет генерального секретаря ЦК Сталина, последовательно отстаивавшего ленинскую идею единства партии большевиков.

Еще в почете бойцы «железной гвардии ленинской выковки»¹, закаленные в подполье, прошедшие горнило революции и гражданской войны, а затем какое-то время занимавшие ключевые посты в партийном, государственном и хозяйственном руководстве.

Но уже приходят им на смену новые руководители «сталинской школы»², создавшегося в годы первых пятилеток аппарата, и из семи членов политбюро ЦК состава 1924 года к началу 30-х годов в нем остался лишь генеральный секретарь. Страна набирает темпы социалистического строительства, она «встает со славою навстречу дня» - так пелось в популярнейшей «Песне о встречном» Б. Корнилова и Д. Шостаковича. Казалось, навсегда позади остались перегибы и «головокружения от успехов в сельском хозяйстве и уже почти забыт (по крайней мере официально) вызванный ими страшный голод 1931-1932 годов на богатейших черноземных землях. На рубеже 1934 и 1935-го будут отменены продовольственные карточки. Вскоре на всю страну прозвучат сталинские слова о том, что «жить ста-

¹ Волков С. Разговор с Анатолием Рыбаковым / С. Волков // Дружба народов, 2000, № 1 С.192.

² Там же, С.192

ло лучше, жить стало веселей»¹, искренне и с энтузиазмом подхваченные миллионами.

Но и совсем недавно Сталин совершил поездку по только что открытому Беломорско – Балтийскому каналу, сразу же названному его именем и построенному трудом десятков тысяч заключенных, в подавляющем большинстве своем так называемыми «подкулачниками» или «чуждыми элементами» - осколками ликвидированного нэпа.

В январе 1934 года собирается XVII съезд ВКП(б), названный «съездом победителей». На одном из его заседаний произошел эпизод, воспринятый всеми очень весело, а оказавшийся на деле страшным пророчеством. Рабочие Тульского оружейного завода преподнесли Сталину образец новой снайперской винтовки. Приподнявшись над столом президиума и чуть улыбнувшись в усы, он шутливо прицелился в аплодирующий ему зал заседаний.

В декабре того же 1934-го убит Киров, а годы спустя о XVII партсъезде будут говорить как о «съезде расстрелянных»..., начинается новый виток, ужаснейших репрессий, которые войдут в историю под названием «большой террор»

Именно так видится 1934 год в исторической перспективе

1.2. Большой террор

В чем же суть политики «большого террора»?

Действие посредством репрессий было наиболее быстрым, дешевым и эффективным для такого типа власти, как сталинизм, средством преобразования экономики и общества. Репрессии служили и основным способом мобилизации общества, его дисциплинирования, и основным стимулом к труду для подавляющей части населения. Используя в полной мере такой рычаг давления на общество, как репрессии, власть всякий раз, говоря словами Сталина, «подхлестывала страну». «Логическим завершением операции по построению социализма в СССР стал «Большой террор», или так называемая «Великая чистка» партии, армии, интеллигенции и народа. В этой операции репрессии стали не способом действия

¹ Кавторин В., Чубинский В. Роман и история // В. Кавторин., В. Чубинский // Нева, 1988, № 3. С.160.

власти, а сутью всего мероприятия». «...«Большой террор» для Сталина был способом подготовки к войне: он одновременно и уничтожал остатки революционеров из «ленинской гвардии» в своей партии, и сдавал «козлов отпущения» строительства социализма, и «зачищал» население страны...». «Зачистка» населения страны от всех сколько-нибудь потенциально активных и мыслящих людей, которые могли бы представлять опасность для правящего режима, была не импровизацией, а спланированной акцией». Большой террор, заключает И. В. Павлова, являлся «не только многофункциональной акцией, но и супер, чрезвычайным механизмом сталинского властвования»¹.

По последнему вопросу на сегодня зафиксированы две основные позиции: «Большой террор» начался летом 1937 года и в своем развитии прошел два этапа. Сторонники иной версии считают, что «Большой террор» прошел три этапа: 1-й – лето 1936 г. – лето 1937 г.; 2-й – июль 1937 г. – январь 1938 г.; 3-й – с января по ноябрь 1938 г., когда массовые операции НКВД были запрещены постановлением ЦК ВКП(б) и политические репрессии вновь вошли в свое «естественное» русло².

Оригинальную версию периодизации «Большого террора» предложили одни из его ведущих исследователей – Н. Охотин и А. Рогинский. Исходя из документально подтвержденной посылки о «Великой чистке» 1937–1938 гг. как о тщательно спланированной и подготовленной аппаратной акции, целенаправленно, жестко и последовательно осуществленной в государственном масштабе, они выделяют в этой операции четыре основных функциональных этапа (периода) : 1-й (октябрь 1936 г. – февраль 1937 г.) – вхождение в «Большой террор»: перестройка карательных органов, установка на чистку партийной, военной и административной элиты от потенциально оппозиционных элементов в условиях угрозы «империалистической агрессии», создание прецедента осуждения по спискам; 2-й (март–июнь 1937 г.) – разгон репрессивного механизма и его пропагандистского

¹ Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 125, 127, 308, 249;

² Первую версию отстаивают Н. Петров, М. Янсен, М. Юнге, Р. Биннер и другие. См.: Петров Н.В., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». М., 2003. Вторая версия восходит к Р. Конквесту; ее поддерживают также А.Ю. Ватлин, Г.И. Чернявский и др.

обеспечения: декретирование тотальной борьбы с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок», продолжение чистки элиты, планирование и разработка массовых репрессивных операций против социальной базы «союзников» потенциальных агрессоров – кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т.п.; 3-й (июль 1937 г. – октябрь 1938 г.) – работа репрессивного механизма на полную мощность (по синусоиде, вершина которой приходится на сентябрь 1937 г. – март 1938 г.): декретирование и реализация массовых репрессивных операций – «кулацкой», «национальных», против ЧСИР; интенсификация борьбы с «военно-фашистским заговором» в РККА, с «вредительством» в сельском хозяйстве и других отраслях; 4-й (ноябрь 1938 г. – 1939 г.) – выход сталинской системы из стресса «Великой чистки», режима кризисного управления и управления кризисом с переналадкой политико репрессивного механизма на работу в «спокойном» и относительно «бескровном» режиме, упорядочение репрессий консолидация и иерархическое упорядочение политической элиты СССР с помощью традиционных механизмов – региональных партконференций и 18-го съезда ВКП(б)¹.

Проведенные историками исследования позволяют определить основные социальные слои и группы населения, в наибольшей степени подвергшиеся особенно жесткому преследованию в ходе массовых операций в годы «Большого террора» в масштабах страны в целом, в том числе – в сравнении с их долей в населении страны и каждого конкретного региона. Другим направлением исследования является анализ основных целевых групп «кулацкой» операции: имели ли они в разное время разный состав, насколько увеличивался в ходе операции охватываемый ею круг лиц, и, наконец, проводились ли репрессии прежде всего на основании объективно вменяемых (императивно заданных) властью признаков, независимо от индивидуальных поступков или намерений (корыстного умысла) жертв.

Долгое время принято было считать, что главный удар в тот период сталинское руководство наносило по руководящим партийным, советским, хозяйственным и военным кадрам. Действительно, в годы Большого террора, по имеющимся

¹ Газета «30 октября». 2007. Спецвыпуск № 74.

подсчетам, пострадал каждый девятый коммунист Союза СССР. Как видим, доля репрессированных среди коммунистов была выше, чем доля репрессированных среди беспартийных. Но те же подсчеты показывают, что из учтенных на момент подсчета 1 372 392 пострадавших в 1937–1938 гг. по политическим мотивам в ВКП(б) состояли лишь 116 885 человек (55 428 в 1937 г. и 61 457 человек – 1938 г.), или 8,5%¹.

Обычно массовые операции против «враждебных национальностей» рассматривают только в плане борьбы сталинского руководства с потенциальной «пятой колонной» в условиях растущей угрозы войны. Такой подход представляется сильно зауженным. Эти операции преследовали и другую, не менее важную, задачу в контексте Великой чистки. Если операция по приказу № 00447 была направлена прежде всего против старой российской деревни, особенно на первых этапах ее осуществления, то «национальные» операции должны были охватить прежде всего города и новостройки. Основными мишенями этих операций становились широкие слои рабочих и служащих, представители практически всех городских – традиционных и новых индустриальных социально-профессиональных групп населения: от счетовода до инженера, от современного квалифицированного индустриального рабочего до портного и сапожника. Этим и обеспечивалась хорошо просматриваемая на конкретном документальном материале относительная равномерность при проведении репрессий в городе и деревне и в целом по стране².

Особенность «Большого террора» в том, что Сталин сумел совместить политическую чистку в рядах руководства правящей номенклатуры, чистку рядового состава партии и чистку социальную – против «родимых пятен» старого общества, а также тех элементов нового советского общества, которые, по мнению тогдашнего руководства СССР, нарушали его гомогенность.

¹ Правда. 1991. 13 апреля; Источник. 1995. № 1. С. 120.

² Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С.33

1.3. Последствия террора в судьбах людей.

«Большой террор» – явление уникальное в советской истории. За два года по обвинению в политических преступлениях аресту подверглись более полутора миллионов человек. Большая часть из них – 1 344 923 человека – были осуждены за контрреволюционные преступления, из которых половина приговорена к высшей мере наказания. Это означает, что в среднем государство за эти годы ежедневно убивало тысячу своих невинных граждан.

С 23 февраля по 5 марта 1937 года состоялся печально известный Пленум ЦК ВКП(б), на котором 3 марта с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»¹ выступил И. В. Сталин, повторивший свой известный вывод об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма. Он заявил: «...чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»².

Накануне Пленума, с 23 по 30 января 1937 года, в Москве в Октябрьском зале Дома Союзов в открытом заседании состоялся процесс по делу так называемого «Антисоветского троцкистского центра». Его освещение в средствах массовой информации, идеологическое и пропагандистское сопровождение преследовало несколько целей. Во-первых, показать советской и мировой общественности «врагов народа», конкретных организаторов диверсий, катастроф, крушений. Во-вторых, подготовить политическую почву для развязывания массовых репрессий, начавшихся в том же году³. 22 января 1937 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О процессе по делу Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и др.», в котором определен порядок освещения в печати его материалов. Постановление Политбюро было реализовано в отношении освещения про-

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 166.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 166.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 54

цесса, например в таких газетах как «Правда», «Известия» и журнала «Большевик». В газете «Правда» от 27 января 1937 года печатается подборка откликов на ход процесса. «Подлые изменники – Пятаков, Радек, Сокольников и др. – объединились с достойными их представителями фашистских охранок для осуществления своего грязного дела реставрации капитализма в нашей стране¹. Не менее гневные, эмоциональные отклики «с мест» печатаются в эти дни в газете «Известия». Вот фрагмент выступления на митинге работницы московского завода «Красный треугольник» М. М. Васильевой: «Я – женщина, я – мать, я – бабушка. Но, ни одну секунду не дрогнула бы у меня рука, если бы мне поручили привести в исполнение беспощадный приговор, который должен вынести всем им Верховный Суд!»². В третьем номере за 1937 год журнала «Большевик»³, вышедший 1 февраля, помещает два материала о процессе – передовую статью «Приговор суда – приговор народа», и статью профессионального пропагандиста Н. Л. Рубинштейна «Подлые предатели родины и наемники фашизма». Журнал «Большевик» играл особую роль в политической жизни страны. Сам Сталин неоднократно называл его «боевым журналом», «боевым органом», а материалы, печатавшиеся на его страницах, предлагал рассматривать как «руководящие» или, во всяком случае, «глубоко поучительные»⁴.

Спустя неполных четыре месяца после окончания февральско-мартовского Пленума, 2 июля 1937 года вышло постановление Политбюро с типичным, «конвейерным» для этого периода названием «Об антисоветских элементах».

30 июля 1937 года народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов подписал ныне широко известный оперативный приказ № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. В приказе было утверждено конкретное количество подлежащих репрессиям по первой и второй категориям по каждой республике, краю или области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй

¹ Правда. 1937. 27 января.

² Известия Советов депутатов трудящихся. 1937. 25 января.

³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. С. 18, 23.

⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. С. 18, 23.

категориям 268 950 человек. Фактически в 1937–1938 годах за контрреволюционные преступления было осуждено 1 344 923 человека, из которых 681 692, или 50,69%, – расстреляно. На страницах центральных газет в юбилейном 1937 году явно преобладают две линии. Первая направлена на разоблачение «врагов народа», на борьбу с расхлябанностью, распушенностью, недисциплинированностью. Вторая – на восхваление чекистов, работников НКВД, которые этих «врагов» разоблачают. Идея борьбы с «врагами народа» пронизывала все поры советского общества. Личная жизнь, социальные институты, семья, образование, культура, наука – ни одна сфера общественной или другой жизни не были свободны от вмешательства государства, насаждавшего «сверхбдительность», формировавшего атмосферу подозрительности и тотального страха. Пропаганда и агитация имели колоссальное влияние на сознание людей, средства массовой информации оказывали огромное давление на души и сердца советских граждан, их психику.

По мнению историков Н. Г. Охотина и А.Б. Рогинского, если понятие репрессий определить узко — как репрессии органов госбезопасности по политическим обвинениям, тогда, с небольшими погрешностями, число репрессированных в период с 1921 по 1953 год составит около 5,5 млн. человек. Если же в их число включить «разные типы депортированных, умерших от искусственного голода и убитых во время спровоцированных конфликтов, и тех детей, которые не родились из-за того, что их возможные родители были репрессированы или погибли от голода», то число жертв возрастёт на порядок.

Во втором случае о масштабах смертности от голода и репрессий можно судить по демографическим потерям, которые только в период 1926—1940 годы составили 9 млн. чел.

В Статистическом сборнике Верховного суда 1958 г. говорится о 17,96 млн. приговорённых по указам военного времени, из которых 22,9 %, или 4 113 тыс., были приговорены к лишению свободы, а остальные — к штрафам или исправительно-трудовым работам. 15,75 млн. человек по этим указам были осуждены за самовольный уход с работы (самовольно менять место работы многим категориям работающих запрещалось и после окончания войны).

По подсчётам историка В. Н. Земскова, за период с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключённых, однако в это число входят не только политические заключённые, но и осуждённые за уголовные преступления.¹

1.4. Роль высших руководителей государства в репрессиях

1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут по московскому времени в Смольном был убит первый руководитель Ленинградского обкома ВКП (б) Сергей Миронович Киров. Это убийство было максимально использовано Сталиным для окончательной ликвидации оппозиции и дало начало новой волне репрессий, развернутых по всей стране. В течение нескольких последовавших лет Сталин использовал убийство Кирова как повод для окончательной расправы с бывшими политическими противниками, возглавлявшими различные оппозиционные течения в партии в 1920-е годы или принимавшими в них участие. Все они были уничтожены по обвинениям в террористической деятельности. После закрытого письма под названием «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова» репрессии по политическим обвинениям заметно усилились. Этому способствовал начавшийся в мае 1935 г. очередной этап проверки партийных документов. 13 мая 1935 г. ЦК ВКП(б) разослал на места письмо, в котором указывалось на существование беспорядков в учете, выдаче и хранении партийных документов, что якобы способствовало проникновению в партию «чуждых элементов»².

С декабря 1934 г. начались аресты бывших деятелей оппозиционных групп, прежде всего троцкистов и зиновьевцев. Их обвинили в убийстве С.М.Кирова, в подготовке террористических актов против членов сталинского руководства. В 1934-1938 гг. был сфабрикован ряд открытых политических судебных процессов. В августе 1936 г. состоялся процесс «Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра», по которому проходило 16 человек. Главными дейст-

¹ Земсков В. Н. ГУЛАГ: Историко-социологический аспект/ В. Н.Земсков// Социологические исследования. - 1991. - № 6. с. 41 – 47.

² Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 56

вующими лицами среди них были бывший организатор красного террора в Петрограде, личный друг В.И.Ленина, Григорий Зиновьев, один из виднейших партийных теоретиков Лев Каменев.

С 1933 г. по 31 декабря 1934 г. проводилась «генеральная чистка» ВКП(б). В ходе «чистки», которая была возобновлена в мае 1935, из партии, насчитывавшей 1916,5 тыс. членов, было исключено 18,3 %. По завершении «чистки» началась «проверка партийных документов», продолжавшаяся по декабрь 1935 г. и добавившая ещё 10-20 тысяч исключённых. А 14 января 1936 г. было объявлено о «замене партийных документов», что и было проделано к сентябрю 1936 г. с исключением 18 % членов, согласно Ежову. Исключённые члены партии попадали под репрессии в первую очередь. Основная масса большевиков, игравших ведущие роли в 1917 году или позже, в Советском правительстве, была казнена. Единственным членом первоначального состава Политбюро 1917 года, уцелевшим после чистки, был сам Сталин. Из остальных пяти четверо были расстреляны, а пятый, Лев Троцкий, исключён из партии, изгнан из страны и убит в 1940 (скорее всего в Мексике). Из семи членов Политбюро, избранных между революцией 1917 года и смертью Ленина, четверо были расстреляны, один (Михаил Томский) покончил жизнь самоубийством, и лишь двое (Молотов и Калинин) остались в живых.

Все подсудимые были приговорены к расстрелу. В марте 1938 г. прошёл судебный процесс «Анτισоветского правоцентристского блока». Среди подсудимых были бывший «любимец партии» Николай Бухарин, бывший глава Советского правительства Алексей Рыков, бывший шеф главного карательного органа большевизма ОГПУ Генрих Ягода и др. Процесс закончился вынесением им смертных приговоров. В июне 1937 г. к смертной казни была приговорена большая группа советских военачальников во главе с маршалом М.Н.Тухачевским.

Почти все подсудимые на открытых процессах лгали на себя, подтверждали вздорные обвинения в свой адрес, славословили Коммунистическую партию и её руководство во главе со Сталиным. Это объясняется, очевидно, и давлением на них со стороны следствия, лживыми обещаниями сохранить жизнь им и их родст-

венникам. Одним из главных же аргументов следователей был: «так надо для партии, для дела коммунизма»¹.

Процессы над лидерами оппозиции послужили политическим обоснованием для развязывания небывалой волны массового террора против руководящих кадров партии, государства, включая армию, органы НКВД, прокуратуры, промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и т. д., простых тружеников. Точное число жертв в этот период еще не подсчитано. Но о динамике репрессивной политики государства говорят данные о численности заключенных в лагерях НКВД (в среднем за год): 1935 г.— 794 тыс., 1936 г.— 836 тыс., 1937 г.— 994 тыс., 1938 г.— 1313 тыс., 1939 г.— 1340 тыс., 1940 г.— 1400 тыс., 1941 г.— 1560 тыс.².

Однако следует помнить, что в ходе террора возмездие настигло многих большевистских деятелей, совершивших кровавые массовые злодеяния, как в годы гражданской войны, так и в последующее время. Сгинувшие в застенках НКВД высокопоставленные партийные бюрократы: П. Постышев, Р. Эйхе, С. Косиор, А. Бубнов, Б. Щеболдаев, И. Варейкис, Ф. Голощёкин, военные, в т.ч. маршал В.Блюхер; чекисты: Г. Ягода, Н. Ежов, Я. Агранов и многие другие сами были организаторами и вдохновителями массовых репрессий.

Страну охватил массовый психоз поисков «вредителей», «врагов народа», доноительства. Партийцы не стесняясь, открыто, ставили себе в заслугу количество разоблаченных «врагов» и написанных доносов. Например, кандидат в члены московского горкома партии Сергеева-Артёмова, выступая на IV городской партконференции в мае 1937 г. с гордостью говорила, что она разоблачила 400 «белогвардейцев». Доносы писали друг на друга, друзья и подруги, знакомые и сослуживцы, жёны на мужей, дети на родителей.

Миллионы партийных, хозяйственных работников, учёных деятелей культуры, военных, простых рабочих, служащих, крестьян были репрессированы без суда, решением органов НКВД. Его руководителями в это время были одни из самых мрачных фигур отечественной истории: бывший питерский рабочий, человек

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 56

² Там же

почти карликового роста, Николай Ежов, а после его казни - партийный работник из Закавказья Лаврентий Берия.

Сталинские репрессии имели несколько целей: уничтожали возможную оппозицию, создавали атмосферу всеобщего страха и беспрекословного подчинения воле вождя, обеспечивали ротацию кадров за счёт выдвижения молодёжи, ослабляли социальную напряжённость, взваливая вину за трудности жизни на «врагов народа», обеспечивали рабочей силой Главное управление лагерей (ГУЛАГ). В соответствии с постановлением «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов» был усложнён въезд в страну политэмигрантов и была создана комиссия для «чистки» международных организаций на территории СССР.

К сентябрю 1938 года основная задача репрессий была выполнена. Репрессии уже начали угрожать новому поколению партийно-чекистских руководителей выдвинувшихся в ходе репрессий. В июле-сентябре был осуществлён массовый отстрел ранее арестованных партфункционеров, коммунистов, военачальников, сотрудников НКВД, интеллигентов и прочих граждан, это стало началом конца террора. В октябре 1938 были распущены все органы внесудебного вынесения приговоров (за исключением Особого Совещания при НКВД, так как оно получило после прихода в НКВД Берии).

В августе 1938 года на пост 1-го заместителя наркома внутренних дел был назначен Л.П. Берия, который был главным организатором большого террора 1937-1938 гг. в Грузии и Закавказье, а придя в НКВД, с сентября 1938 по январь 1939 провёл широкомасштабные аресты в НКВД, прокуратуре, милиции от ежовских ставленников. Ежов был фактически отстранён от работы в НКВД. 9 декабря 1938 года, на пост главы НКВД был назначен Л.П. Берия, Ежов был переведён в менее важный наркомат — наркомат водного транспорта. 17 ноября 1938 года были распущены внесудебные Тройки НКВД, однако Особое Совещание при НКВД получило большие полномочия, вплоть до вынесения смертных приговоров.

10 апреля 1939 Ежов был арестован по обвинению в сотрудничестве с иностранными разведками и террористической деятельности, а 4 февраля 1940 года расстрелян.¹

Многие члены партии, занимавшие достаточно видное положение, были осуждены (в основном к расстрелу) Военной коллегией Верховного суда СССР, которая выносила приговоры после рассмотрения каждого дела в закрытом заседании в течение 10-20 минут без участия обвинения и защиты на основании списков, утвержденных лично Сталиным и его приближенными.

¹ Воронцов С.А. Спецслужбы России, Ростов н/Д.: Феникс, 2006. С486 .

Глава 2. Реалии и фантазии в романе А. Рыбакова «Дети Арбата»

2.1. Приметы социально-политической жизни 1930-х годов в структуре романа

Если перелистать подшивки газет 1934 года, можно найти немало сообщений о значительных событиях разного масштаба, свидетельствующих в первую очередь о победах страны. То, о чем писали газеты, чем в тот год жил народ, - в подавляющем большинстве фактов правда истории, но они далеко неполное описание того что происходило в Советском государстве на самом деле!

Поэтому А. Рыбаков избирает иную точку зрения, при которой, как верно заметил А. Бочаров, оказывается возможным сказать о «Съезде победителей» мельком, а о съезде писателей словечком не обмолвиться!»¹. И в таком взгляде есть своя правда, позволившая писателю ярко высветить противоречия времени, которые все отчетливее просматриваются сейчас, в исторической перспективе. Роман Рыбакова воссоздает это время наиболее полно, подробно, эпично. Анатолий Наумович пробует уловить дух 30-х годов, беря пробы в разных слоях жизненного потока, на разных его глубинах.

Своих героев он зачерпнул словно бы наудачу – самых простых юношей и девушек с московского Арбата, а уже через их судьбы попытался уловить грозную общественную атмосферу эпохи, то внутреннее напряжение, которое возникло между триумфом «съезда победителей» и трагедией убийства Кирова.

Книга Рыбакова писалась в «темные времена», а подросла к «светлым». Писалась – в 1966 году, а к читателю прорвалась – в 1987-м: в момент, которого долго, почти неверя, ждала наша культура и которой вот уже несколько десятилетий не забывается. Перед нами литературное событие огромной важности, роман читался миллионами людей. Последнее словосочетание, венчающее роман Рыбакова и произнесенное, как помнит читатель, сибирским сильнопоселенцем в декабре 1934-го в связи с сообщением о злодейском убийстве товарища Кирова, имеет

¹ Бочаров А. Противостояние / А. Бочаров // Октябрь, 1987. № 10, С179.

прямое отношение к теме романа: к изображенным в нем временам и к тому, как в эти времена жить человеку.

А жить приходится, и быть человеком – надо. Каждый раз по-новому, каждый раз рискуя. Каждый раз «не зная броду». Потому что времена меняются, а черное и белое оборачиваются, счастье и беда меняются значениями. Однако о человеке, о его Лице, о воздании и возмездии думать приходится.

Эта моральная сверхзадача в романе Рыбакова не менее важна, чем его конкретные писательские открытия, прорывы в неведомое, запретное, делающее «Детей Арбата» сенсацией в 80-е.

Одно из таких открытий – заглавная группа героев: молодые люди, выросшие в московских арбатских переулках и вошедшие в возраст ответственности к середине 30-х годов: дети Арбата – символ, впервые прозвучавший в нашей словесности, кажется, с песнями Окуджавы, но у Рыбакова переосмысленный и обновленный. Это не только первое советское поколение, но и поколение, вынесшее на своем хребте войну.

Следующее открытие – ссылка. Волею судеб и автор трилогии, и главный герой объявлены врагами народа, и в наказание получили по три года ссылки. И на страницах произведения разворачиваются картины ссылнопоселенцев 30-х годов.

Еще более важным является образ Сталина, который создал Анатолий Рыбаков. Впервые в нашей литературе суть сталинского характера извлечена не из «портретных черточек», а выделена из его внутренней логики, из хода его рассуждений.

Рыбаков написал книгу огромного гражданского значения. Он прошел новыми путями, он разработал кардинально важные темы, он выступил с романом «сенсационным».

2.2. Феномен ссылки как отражение социально-политической жизни страны

В 1987 году, когда роман Рыбакова «Дети Арбата» наконец, через многие годы после завершения работы над ним, пришел к читателю, - понимаешь, почему

автору так важно было окунуться в стихию минувшего, опереться на те реальности прошлого, которые не должны остаться без осмысления. Потому что драматические десятилетия нашей общей истории задели своим крылом каждого из живущих сегодня, «след старых судеб» впечатался в жизнь и молодых поколений...

Рыбаков одним из первых показывает на страницах своего повествования все тяготы ссыльной жизни. До него еще никто так точно и во всех подробностях не описывал жизнь ссыльных. Во времена сталинских репрессий, наверное, не было такого человека, которого они не коснулись. У каждого был знакомый, близкий, родной, кто побывал в ссылке. Но об этом не говорилось вслух. Не печаталось в газетах.

Ссылка не «обходит стороной» и одного из героев романа Рыбакова – Сашу Панкратова.

Волею судеб из-за ничтожной стенгазеты Саша Панкратов вышиблен из института. Той же волею он играет роль звена в очередной политической интриге: Ягода копает под Ламинадзе. Это дела большой политики. Саша о них не ведает, но раз он попал в «дело», то уже не вырвется. Саше дают три года ссылки, и мы получаем написанную Рыбаковым картину жизни ссыльнопоселенцев 30-х годов, какой еще не было в нашей литературе.

Не было. Лагерь – был, а ссылки – не было.

«...К ним приближался, опираясь на палку, старик в пальто и шляпе, длинные седые волосы спускались на воротник.... Меншевик, один из лидеров...». (23; 342)

«... На берегу лодки поджидали местные ссыльные: маленькая седая старушка – знаменитая в прошлом эсерка; анархист – тоже маленький, седенький, с веселым добрым лицом...». (23; 350)

«... Пришел священник с русой бородкой... в дождевике и сапогах, переоделся в домашнюю рясу...

Ничего этого Саша не слышал, ни о чем таком не подозревал. Да и мало кто в стране на тот момент знал о масштабах сосланных. Меншевики, эсеры, анархисты, священнослужители – что-то книжное, из учебников истории. История их

смела прочь. Это известно каждому. Но что «сметенные прочь» еще где-то дожидали свой век – это разве читатели или Саше приходило в голову? Это что-то ирреальное.

Рыбаков показал нам «ирреальное».

Рыбаков в «Детях Арбата» дает нам подумать не над отдельными конкретными вопросами, а над одним глобальным, духовно-практическим, нравственным вопросом: что делать человеку и что делается с человеком в «строгие времена»? Что в таких временах - от самого человека? И что – от иллюзии настоящего?

Когда история вершит судьбы, человечество не в силах задавать, а тем более решать вопросы. Но когда все уже позади, каждого интересуют причины.

И все же Рыбаковский Саша Панкратов – точка пересечения, своеобразный узел сюжетных связей. Именно он вводит нас в круг своих ровесников, и от него же тянутся лучи к людям старшего поколения – ветеранам партии, командирам индустрии или к загнанным в Сибирь меньшевикам, эсерам. При этом писатель создает не монолог, не исповедь молодого человека, а портрет времени. Масштабный, сопрягающий индивидуальное и общее, вбирающий в себя и непосредственный душевный опыт героя, павшего в 1943 году на Курской дуге, и то, что осталось за рамками этого опыта.

Молодой герой «Детей Арбата» воспринимает социалистическую эпоху как свою. Безоговорочно, без тени сомнения.

Ведь кто такой Саша Панкратов к началу 30-х годов? Комсомольский вождь, энтузиаст, бесребреник. Его философия – быть нужным своей стране, новому обществу. Любое проявление эгоизма – постыдно, любая страсть к вещам, к барахлу – позорна, как отголосок ненавистного чувства собственности.

Это сейчас слово «собственность» произносят с гордостью. Как-никак официальная мораль современного общества, его кредо, символ веры. Словно и не было никогда деформирующей душу власти денег, имущества, словно и не толкала общество эта власть на преступления и бесчеловечность.

«Мое поколение,- говорил писатель в интервью «Независимой газете», - было хорошим поколением: по-настоящему верили в светлое будущее челове-

ства. Не в превосходство своей расы, как гитлеровцы, а в братство народов. Они верили в интернационализм, в равенство людей, социальную справедливость»¹. Они не могли и подумать, что линия партия «неправильная», что там «наверху» могут ошибаться.

Сталинский террор был вместе с прочим и преступлением против социализма. И драма утрат соединяется в трилогии с другой, о которой думает Саша Панкратов применительно к своим ровесникам, - с драмой невостремленности: «Хотели служить социалистическому отечеству, а оказались ему не нужны»².

У каждого из героев свои упования и свои миражи. Вчитываясь в параграфы новой Конституции, Саша Панкратов верил и не верил себе. Прямо-таки сказка, конец мытарствам, конец изгнанию. Впереди скорое возвращение в Москву, потому что «никто не посмеет прибавить ему срок, его обязаны освободить... Задержка хотя бы на один день – грубое нарушение закона...»³. И он был прав – Конституция такую гарантию давала. Но прав был и уполномоченный НКВД Алферов, отреагировав на восторженные триады своего поднадзорного скептической усмешкой. Ведь Сталин внятно предупреждал, что «проект новой Конституции оставляет в силе режим диктатуры пролетариата»⁴.

2.3. Сталин в романе: реальность или вымысел образа?

Парадоксальная вещь: имя, запечатленное в песнях, стихах, документах, - и невероятная закрытость, почти белое пятно. Деятельность на виду миллионов – и сплошной туман, мифы, загадки.

В трилогии Рыбакова Сталин-легенда становится Сталиным-человеком, героем психологической прозы.

Тут не почтительные «штрихи к портрету», а сам портрет. Не привычные для литературы 60-80-х годов сопоставления позитив и негатива, а попытки найти ключ, отворяющий судьбу.

¹ Волков С. Разговор с Анатолием Рыбаковым / С. Волков // Дружба народов, 2000, № 1., С.200

² Рыбаков А. Дети Арбата. Книга первая. Дети Арбата. / Рыбаков А. // Санкт-Петербург. «Амфора», 2004, С53.

³ Там же, С. 448

⁴ Там же, С 449

Между грузинским мальчиком Сосо, бредущим по дороге в Гори, и будущим генералиссимусом – дистанция огромного размера. Но пропасти между ними нет – один и тот же, хотя о трансформирующийся характер. Герой цикла не просто генсек, полководец, политик – он прежде всего человек, стремящийся последовательно реализовать себя, подняться со дна безвестности, провинциального прозябания на вершину могущества и закрепить на ней. Другое дело - какими средствами, нравственными или аморальными. Сталин был с Каменевым и Зиновьевым против Троцкого, он был вместе с Бухариным против Каменева и Зиновьева, а затем и против Бухарина.

Зигзаги поведения, импульсивность, непредсказуемость? Но непредсказуемость эта обманчива. Каждый ход кремлевского властителя заранее продуман и выверен. Даже перепады от гнева к послаблениям. И писатель в своей трилогии сосредоточен на постижении линии действий их последовательности, их прихотливой, озадачивающей, включающей в себя отвлекающие маневры логики. Его Сталин перетасовывал окружение, но не менялся сам. Себя он воспринимал как величину постоянную, как твердую константу. Устранению, отбрасыванию подлежали те, что могли скомпрометировать, дрогнуть, стать соперниками, нанести урон репутации.

Сталин открывается в цикле то одной, то другой гранью своего характера.

Он может быть обаятельным, добродушным, возвещающим, что человека надо выращивать столь же любовно, как заботливый садовник лелеет дерево, он может предстать мстительным, находящим отраду в травле соперников, выкорчевывающем эти же самые деревья под корень.

Он может афишировать скромность, предостерегать от славословий и тут же поощрять их.

Он может обличать фашизм и закулисно, конспиративно заигрывает с Гитлером.

Люди видели перед собой разного Сталина, но он всегда был верен себе. Его оружием была беззастенчивость, исходящая из ощущения неподсудности. Там, где другие терзались сомнениями, он бестрепетно переступал черту. И не сожалел

о своих решениях. Ибо он сам поставил свою волю превыше добра и зла, сам был для себя арбитром, сам устанавливал, что дозволенно, а что нет.

Напряженные внутренние монологи высвечивают в трилогии психологию вождя, и лабораторию его мысли. Писатель искусно воспроизводит даже интонацию сталинской речи – растолковывающей, жалящей, склонной к назиданиям и риторике. Эта речь нарочито размеренная, неторопливая, с долгими паузами, уходящая в таинственные недра подтекста. Слово тяготеет здесь к оракульской двусмысленности, оно рассчитано на понятливого собеседника, на его способность восполнить недомолвку, безошибочно расшифровать намек или притчу.

Наивно полагать, что каждая фраза этих монологов может быть подтверждена цитатами, ссылками на источник. Реальный Сталин предпочитал не откровенничать, не оставлять улики и к тому же неусыпно пекся о том, чтобы выглядеть в глазах народа любящим отцом, мудрым и проницательным, справедливым и великодушным, скромным и бескорыстным. И культивировал именно такое представление о себе. Полувоенный френч, разношенные сапоги, неприхотливость, простота. Ничего для себя – все для рабочего, крестьянина, для блага социализма. Таков ОН на публике – пере стахановцами, летчиками, метростроевцами. Таким должна была знать и воспринимать его страна.

Писатель держит в поле своего зрения и лицо вождя, и его иконописный лик. Традиционное, хрестоматийное раздвоение характера, психологический саморазлад? Да нет, не тот случай. Как раз свидетельство цельности натуры. Герой Рыбакова убежден в своем праве быть таким, каким нужно для пользы дела. Он не оправдывается, а нападает, не кается, а наращивает удары. Его индульгенция – высшие интересы страны, им же самим выражаемые, только они первичны. И если в процессе борьбы «погибнет несколько миллионов человек, история простит это товарищу Сталину. Если же он оставит государство беззащитным, обречет его на гибель – история не простит ему никогда. Великая цель требует великой энергии, великая энергия отсталого народа добывается только великой жестокостью»¹.

¹ Рыбаков А. Дети Арбата. Книга первая. Дети Арбата. / Рыбаков А. // Санкт-Петербург. «Амфора», 2004, С567.

Помина Сталина «вершителя судеб» Рыбаков показывает нам «домашнего» Сталина. Он может болеть ангиной, пить чай с вареньем, закутывать горло в шарф.

Рыбаков не искал «засекреченных подробностей и не рвался заглянуть туда, «куда не надо», - он знал, что там ничего не найдешь. И он взял то, что уже несколько десятилетий было выставлено на всеобщее обозрение, растиражировано в миллионах томов и даже вколачивалось в головы через системы партпроса: он взял сталинскую мысль, стиль мысли, пошиб, повадку, хватку. И через интонацию речи и стиль письма вовсе не прописи агитпропа 30-х годов зазвучали, а – погребальные трубы истории.

2.4. Палачи или жертвы репрессий?

Проблема взаимосвязи, взаимозаменяемости палачей и жертв привлекала внимание во все времена, была, есть и будет актуальной, потому что не возможно предугадать дальнейшего развития событий, заглянуть в будущее.

Писатель словно бы дает своеобразный разрез тогдашней социальной пирамиды. От самого верха, где самовластно распоряжается Сталин, до мрачных подземелий, где мыкается на допросах у следователя Дьякова не понимающий своей вины Саша Панкратов.

Верх – это большая политика, апартаменты вождей, помпезные приемы в честь архитекторов, летчиков, чекистов. Низ – захудалая подвальная прачечная, в которой прозябает после ареста сына Софья Александровна, толчая у тюремных окошек, чтобы сделать передачу.

А в промежутке между полюсами, между крайними уровнями – вся остальная жизнь, выписанная Рыбаковым щедро, красочно, в изобилии социальных и бытовых подробностей.

Впрочем, категории верха и низа условны, шатки. Пирамида успеха время от времени осыпается до самого основания. И тогда победители оказываются побежденными, кумиры - изгоями, гонители – гонимыми. Обласканный и превознесенный Сталиным Марк Рязанов становится очередной жертвой. Лена Будягина

переселяется из престижного дома для избранных в барак на уфимской окраине. Вчерашние наставники Юрия Шарока по работе в органах идут под расстрел. Раздвигшие Сашино дело преподаватели Лозгачев и Баулин отправляются на скамью подсудимых.

Лев Каменев, которого наводящий на заключенных ужас следователь Черток (лицо отнюдь не вымышленное) сутками держал на пыточном конвейере – без движения, которого шантажировали убийством малолетнего сына, расстрелом сподвижников.

Григорий Зиновьев, для которого в камере специально включали на полную мощность батареи отопления. Знали, что астматик, что будет мучиться.

Но это – с одной стороны. А с другой...

Начинающий следователь, выдвиженец из молодых кадров Юрий Шарок, хмелеющий от вседозволенности, от безграничной власти над арестантами, входящий в раж из-за того, что они запирались, путали показания и тем самым вынуждали его заниматься рукоприкладством, марать руки о какую-нибудь Лидию Звягуро. Ведь бить – тоже работа не легкая.

Писатель воскрешает в своем цикле зловещую иерархию тогдашних «органов». От сменявших друг друга Ягоды, Ежова, Берии, от таких высокопоставленных чинов, как Абакумов, Шпигельглас, до неприметного трудяги-следователя Дьякова, усердно собравшего компромат на Сашу Панкратова и втайне мечтавшего не о таком пустяковом, а о настоящем, громком деле. Разные по повадкам, по манере обхождения, они в то же время звенья одной и той же системы, исполнители одной и той же воли.

Однако граница между палачами и жертвами в трилогии извилиста. Линия размежевания добра и зла далеко не всегда совпадает с ней. И сострадание художника не безоглядно и не безобразно. Оно отягощено трезвой исторической памятью.

Тот же Григорий Зиновьев – оклеветанный, затравленный, истерзанный допросами, «когда-то мнил себя диктатором революционного Петрограда. Он сам

штамповал приговоры и бестрепетной рукой отправлял инакомыслящих на смертную казнь»¹.

А разве Пятаков незадолго до своего падения не призывал на головы Зиновьева и Каменева гром и молнии?

Все они уплатили своей головой. Кто раньше, кто позже. Жертвы? Но это теперь они жертвы – поверженные, заклеянные. А тогда они были лидерами, трибунами. И Юрий Шарок, укоренившийся в «органах», испытывал сладостное, мстительное наслаждение – он добивал тех, перед кем он недавно еще трепетал, кого молча, бессильно ненавидел отец, - «старых большевиков, так называемую «ленинскую гвардию»... Конечно, этих революционеров, коммунистов, большевиков он уничтожал именем революции, коммунистической партии, но не в этом суть, важно, что уничтожал именно их»².

Мученики? Кто спорит. Но не всегда и не обязательно безвинные. Ведь вслед за подсудимыми настаивал черед и самих истязателей. Торжество справедливости? Если бы так. Скорее продолжение цепочки преступлений, попытка спрятать концы в воду.

Трилогия Рыбакова разворачивается и как документально – художественная (в характерах, в образах) исследование эпохи, и как нравственный суд над ней. Причем никому из действующих лиц – и обвиняемых, и обвинителей – не дано избежать встречного иска к самому себе.

Крохотные, незаметные постороннему взгляду компромиссы, инстинктивные шажки прочь от чужой боли, а в совокупности ощущения ускользающей из-под ног почвы, набирающая обороты инерция страха. И неотвратимое, почти библейское возмездие за это.

Анатолий Рыбаков ставит своих героев лицом к лицу с новой, неподвластной их воле реальностью. «Рыцари идеи, романтики революции, они бесцеремонно

¹ Рыбаков А. Дети Арбата. Книга первая. Дети Арбата. / Рыбаков А. // Санкт-Петербург. «Амфора», 2004, С231.

² Там же, С579

отнесены на обочину и могут лишь с недоумением и растерянностью взирать на бесчинства ими же самими вознесенного Кобы»¹.

Люди отважные, честные, эрудированные, они опоздали со своими предостережениями и упустили время. Оно работало уже не на них, а на того, кто хозяйски прибирал к рукам бразды правления.

2.5 Исследование. Интерпретация результатов.

Мы провели исследование среди учащихся 10 класса МБОУ гимназии №184 в количестве 20 человек. Учащимся предлагалось ответить на 5 вопросов анкеты (Приложение 1). В каждом вопросе по 3 варианта ответа. Учащимся нужно было выбрать вариант ответа, который на их взгляд был верным.

В таблице 1 представлены результаты анкетирования

Номер вопроса	Результаты		
1. На первый вопрос ответили:	А) 60%	Б) 10%	В) 30%
2. На второй вопрос ответили:	А) 55 %	Б) 25 %	В) 20 %
3. На трети вопрос ответили:	А) 45 %	Б) 45%	В) 10 %
4. На четвертый вопрос ответили:	А) 15%	Б) 85 %	В) 0 %
5. На пятый вопрос ответили:	А) 20 %	Б) 60 %	В) 20 %

Таблица 1. Результаты анкетирования.

Таким образом, анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы из проделанной работы:

Больше половины учащихся знают, что такое политические репрессии.

Более половины всех учащихся считают, что расцвет политических репрессий приходится на 30-е годы.

¹ Немзер А. Версия Саши Панкратова // «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова с разных точек зрения / Под ред. Ш.Г. Умерова, М, 1990, С102

На вопрос, как отразились политические репрессии на советском обществе, мнение учеников разделилось, одни считают, что положительно, другие отрицательно.

Учащиеся не знают роман А. Рыбакова «Дети Арбата».

Так же больше половины учеников считают, что виновником политических репрессий был И.В.Сталин.

Заключение

В процессе написания реферата мы выявили исторические факты, описанные в романе А. Рыбакова «Дети Арбата» провели исследование и доказали, что они были реальны в советской действительности 1934 года, решили ряд задач, которые перед нами стояли. Анатолий Рыбаков возвращает в русскую литературу тему ссылки, ранее звучавшую в произведениях Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Ссылки и аресты – неотъемлемая часть сталинской эпохи. О масштабах репрессий и количестве заключенных в сталинское время еще никто так открыто со страниц литературы не говорил. В письмах автору люди выражали слова благодарности за сказанную «правду».

И роман Рыбакова стал первой книгой, где показан «Сталин-человек». Если вспомнить тот образ человека с трубкой, который еще недавно во множестве копий представал перед нами из книг, — контраст был разительным. Нестрогий, но справедливый Отец, несущий тяжкое бремя ответственности за подданных своей необъятной державы, — кровавый деспот, паук, плетущий нити заговора против своих вчерашних соратников, хладнокровно подготавливающий убийство Кирова, чтобы развязать террор. Показывая своего героя, Рыбаков раскрывает в подробных внутренних монологах его психологию и, главное, философию.

Книга Рыбакова – свидетельство об эпохе «изнутри» (неслучайно в образе Саши Панкратова и деталях его биографии много от самого автора). Автор как бы дает срез эпохи 30-х годов, вводя в повествование молодое поколение, таких же мальчишек и девчонок, каким был читатель несколько лет назад. Это их время, каким бы они ни было. В Саше Панкратове, Нине Ивановой, Лене Будягиной каждый из читателей видел себя, заново переживал пройденное и, конечно, не мог остаться равнодушным к написанному, вследствие чего на редакцию «Дружбы народов» посыпался шквал писем: события, произошедшие с этими арбатскими девочками и мальчишками воспринимались как трагедия многих советских граждан (отметим попутно, что роман актуализировал и тему Арбатства в литературе, уже известную читателю по песенному творчеству Б. Окуджавы).

Рыбаков обращается к вечным темам и проблемам не только в литературе, но и в обществе. К таким относятся тема человеческого существования в обществе, проблема творческой интеллигенции.

Здесь время диктует свои интересы: к моменту выхода романа в стране все без исключения слои советского общества испытывали психологический дискомфорт. В общественном сознании зрело понимание необходимости глубоких перемен, но заинтересованность в них была различной. Численно выросшей и более информированной советской интеллигенции всё труднее было мириться с подавлением свободного развития культуры, изолированностью страны от внешнего цивилизованного мира. Она остро ощущала на себе пагубность ядерной конфронтации с Западом и последствия афганской войны. Интеллигенция хотела подлинной демократии и индивидуальной свободы.

Перемен ждал мощный слой партийно-государственных чиновников, военных, обеспокоенных развалом государства. Чувствуется шаткость положения каждого. Все более растет неуверенность в завтрашнем дне. И если сегодня ты занимаешь весомое положение в обществе, гарантий, что ты завтра останешься на своем месте, нет. Такие, как Юрий Шарок, действуют исходя из собственной выгоды – получше устроится; такие, как Саша Панкратов, принимают «перестройку» как личную жизненную программу. Людей охватил страх, как и героев романа Рыбакова. Механический подход «друг – враг, добро – зло» теряет свою силу. Победители оказываются побежденными, кумиры – изгоями, гонители – гонимыми. Но, как и прежде, только вера в общечеловеческие ценности служит основой противостояния человека эпохе.

Список литературы

1. Кропачев С.А. Хроники коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917 – 1940 гг. – Краснодар, 1995. – С. 48.
2. Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М., 2005. – С.365-372
3. Лысков Д. Ю. Сталинские репрессии: Великая ложь XX века. — М, 2009. — 288 с.
4. Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. – С. 311-330; Т. 2. – С. 182 – 196.
5. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году.— СПб, 2006. — 286 с.
6. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник. – М., 1998.
7. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. – М.,2001. – 780 с.
8. Воронцов С. А. Спецслужбы России / С. А. Воронцов. - Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 486 с.
9. Земсков В. Н. ГУЛАГ: Историко-социологический аспект/ В. Н.Земсков // Социологические исследования. - 1991. - № 6. – с. 41 – 47.

Анкета для учеников.

Уважаемые учащиеся!

Просим Вас принять участие в анкетировании.

Анкета заполняется просто: в каждом из 5 вопросов выберите тот пункт ответа, который Вы считаете нужным.

1. Знаете ли Вы, что такое политические репрессии?

А) Да

Б) Нет

В) Затрудняюсь ответить

2. Какие года считаются рассветом политических репрессий?

А) 30-е года

Б) 40-е года

В) Затрудняюсь ответить

3. Как отразились политические репрессии на советском обществе?

А) Положительно

Б) Отрицательно

В) Затрудняюсь ответить

4. Знаете ли вы роман А.Рыбакова «Дети Арбата»?

А) Да

Б) Нет

В) Затрудняюсь ответить

5. Кто был виновником политических репрессий?

А) В.И. Ленин

Б) И.В. Сталин

В) Затрудняюсь ответить